Просто понять не могу, как главный священник мог отвергнуть моё предложение, даже не услышав моей речи. К тому же, мне сложно понять, как человек знающий о ситуации в детском доме, может с такой уверенностью заявлять, что нет смысла что-либо улучшать в нём.

Просто понять не могу, как главный священник мог отвергнуть моё предложение, даже не услышав моей речи. К тому же, мне сложно понять, как человек знающий о ситуации в детском доме, может с такой уверенностью заявлять, что нет смысла что-либо улучшать в нём.

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что нет причин улучшать ситуацию в детском доме? — спросила я. — Маленькие дети пребывают на грани жизни и смерти. Дети не должны существовать в таких условиях...

Предположив, что он просто не в курсе подробностей, я с большим беспокойством начала рассказывать об увиденном сегодня, но он тут же оборвал меня.

— Учитывая сколько у нас священнослужителей в серых робах, а также учитывая их помощников, я не могу сказать, что у нас есть свободные средства, которые можно направить на содержание некрещёных детей в детском доме. Также, хочу заметить, что вы воспитывались родителями, а не в храме, потому вам не известно отношения храма к некрещёным детям. Что ж, тогда вы должны знать — некрещёные дети не признаются нами за людей. Однако, если ребёнок проходит церемонию крещения — он регистрируется как гражданин и признаётся человеком.

Я знала, что здесь нельзя нанимать некрещёных, и этот факт уже наталкивал меня на некоторые мысли. Тем не менее, мне сложно представить, что из-за этой политики, дети вынуждены голодать и страдать.

— ...Значит вам плевать на то, что дети умирают?

— Если уж такова воля богов — да. — хладнокровно сказал он. — Честно говоря, увеличение смертности подобного рода детей, было бы даже полезно.

Я надеялась, что ему будет не всё равно, но мои надежды разбились. Сидя в его кабинете, полностью оцепеневшая, я слушала его объяснения, касательно положения священнослужителей в серых робах, которые в настоящее время служат в детском доме.

— Раньше синих роб было в два раза больше, чем сейчас. Что касается их помощников и учеников, то тут простая математика: на одну синюю робу работает в среднем от пяти до шести человек. Так вот, когда синие робы ушли в благородное общество, представляете сколько помощников они оставили здесь?

Если синих роб стало в два раза меньше, это означает, что от шестидесяти до семидесяти помощников стали сами по себе. Здесь, в храме, помощники поддерживаются пожертвованиями со стороны оставшихся синих роб, а это в свою очередь создаёт сильнейшую нагрузку на последних, что в перспективе может привести к административному коллапсу.

— В качестве слуг, знати было продано тридцать священников и жриц, однако это не сильно улучшило ситуацию.

— Вместо продажи, не лучше ли было бы направить их в детский дом, для работы с детьми?

— Улучшение условий в детском доме неминуемо приведёт к увеличению численности детей, находящихся там, а это в свою очередь создаст большую проблему. Знаете ли вы, почему глава храма избавляется от своих жриц в серых робах? Хм, думаю, вы понимаете что я пытаюсь донести вам.

То, что я пытаюсь сказать — что хоть численность синих роб в храме крайне низкая, но она неминуемо будет расти, потому если в детском доме совсем не останется детей — это будет большой проблемой. Главный священник же, заявляет, что ресурсов на содержание крайне мало, и если количество детей в детском доме вырастет — это будет непосильной ношей для храма.

— ...В конце концов, может быть можно выделить людей для очистки детского дома? Столь грязное место, может в любой момент стать очагом чумы.

— Хм-м. Думаете стоит очистить это место? В этом есть логика, но принудительное умерщвление детей не лучшим образом отразиться на нашей репутации.

— Нет!! Я не это имела в виду...

Как, черт возьми, ты мог подумать это?!

Я с трудом подавила желание перейти на крик. Наши мировоззрения и знания слишком разные. Хоть мы и говорим на одном языки, но у нас нет и грамма взаимопонимания.

— Отец, — обратилась я, — почему существует детский дом? Разве он нужен не для того, чтобы воспитывать детей, которые не имеют родителей?

— Это не совсем так. Детский дом — место, существующее за счёт знати, и служащее только для того, чтобы поставлять знати новых слуг.

У нас слишком разное видение предназначения детского дома. Мне сложно выразить ту жалость, которую я испытываю по отношению к детям, пребывающим там. Как же я хочу им помочь.

Главный священник тяжело вздохнул. Похоже, его раздражает наше недопонимание.

— Если вы так хотите помочь умирающим детям, почему бы вам самим этим не заняться? Я ещё не видел людей, которые сами бы захотели стать директором детского дома. Если бы вы заняли эту должность, ответственность за их жизни легла бы на ваши плечи. Вы готовы её принять?

Я нервно сглотнула. Не ожидала, что он скажет это. Хоть я и правда хочу помочь детям, но мне страшно брать ответственность за весь детский дом. Мне не по себе от осознания того, что я могу облажаться.

Мои руки, лежавшие на коленях, крепко сжались в кулак.

— Я не могу. — сказала я, тряся головой из стороны в сторону.

Он кивнул, задумчиво хмыкнув. Смотря на меня свысока, он продолжил говорить.

— На данный момент, соотношение синих роб к серым таково, что за счёт выделяемых благословений, можно содержать около сорока человек в детском доме. Из всего синего духовенства, вы более всех располагаете свободой в распоряжении своими средствами. Вы можете обеспечить едой около сорока детей?

— ...Боюсь что нет. Большая часть моих средств, сосредоточена в мастерской. Лично же у меня, не так уж и много денег, которые я могла бы свободно использовать.

Кроме того, траты на обстановку комнаты, а также траты на содержание персонала, уже перевели меня к перерасходу. Сейчас, я более-менее держусь на плаву, благодаря деньгам, заработанным на продаже рецептов. К сожалению, пока итальянский ресторан не откроется, моё финансовое положение не изменится. Прямо сейчас я точно не смогу прокормить всех сирот.

— Вы не можете взять на себя ответственность и не можете оказать финансирование. Если вы ничего не можете сделать — молчите. Вы — ребёнок, чьё чувство справедливости имеет поверхностный характер. Не занимайтесь этими глупостями, а будьте хорошей девочкой и читайте книги, которые так любите читать.

— Он бесспорно прав. Мне нечего ему ответить. Раз уж я ничего не могу сделать, то переваливать на кого-то эту проблему — не правильно. Если я действую нерешительно, то лучше вообще не действовать.

— ...Мне жаль что я потратила ваше время. — тихо сказала я.

Повесив нос, я вышла из комнаты главного священника.

Я попросила его о помощи и получила отказ. Больше я ничего не могу сделать. У меня нет выбора, кроме как смириться. Хоть я и понимаю, что сделала всё, что в моих силах, но мне всё равно тяжело на душе.

— Сестра Мэйн, — обратился Фран, встав предо мной на колено, — провести вас в библиотеку? Думаю, чтение поможет вам отвлечься.

Когда я просила его организовать мою встречу с главным священником, он отвечал крайне

сухо, будто не хотел в этом помогать. Сейчас же его речь наполнена искренней заботой.

— ...Фран, ты знал что всё кончится так?

— Моя работа заключалась в том, чтобы понимать с полуслова и предугадывать желания Отца. Так что от части, я предчувствовал что этот разговор только унизит вас. Пожалуйста, забудьте о детском доме.

Фран взял меня за руку и мы отправились в библиотеку. Начав читать, я отбросила все тягостные мысли и погрузилась в книгу без остатка. Однако, только я сделала это, раздался шестой звонок, сигнализирующий о времени, в которое Лютц должен прийти и забрать меня. Мне нужно покинуть библиотеку и отправиться переодеваться в свою комнату.

Придя в комнату, из прихожей, я мельком увидела стены детского дома. В моей голове тут же всплыли образы увиденного ужаса. Мой желудок вновь начал сокращаться в рвотном позыве.

— Ургх...

Прижимая руку ко рту, я ринулась к лестнице. Фран тут же взял меня на руки и понёс к ведру.

Вцепившись в ведро, я стараюсь подавить слёзы.

Не могу забыть увиденное. Если бы каждое мгновение, когда я пребываю в сознании, у меня была возможность читать — я бы смогла подавить этот ужас в моей памяти. Но у меня нет такой возможности, поэтому моя память по кругу гоняет мрачные и отвратительные картины.

В прошлой жизни, когда я жила в Японии, Африка была очень далеко от меня. Я не видела воочию её ужасов, поэтому мне было достаточно пожертвовать пару сотен иен, чтобы успокоить свою совесть. Для меня, Африка представала лишь на экране телевизора. Когда голубой экран в очередной раз транслировал сюжет про Африку, всё что я делала, лишь говорила про себя «Ох, бедные детишки» и тут же забывала об этом.

Теперь же, «Африка» буквально у меня под боком. Когда я думаю, что всё что отделяет меня от голода и страданий других людей — стена, я просто не могу успокоиться.

— Сестра Мэйн, как дела?

Гил энергично подбежал ко мне и принялся спрашивать о прошедшем разговоре. Его фиолетовые, почти что чёрные глаза, настолько исполнены надеждой, что в них больно смотреть.

Я отвожу взгляд.

— Гил, прости. Главный священник отказал мне.

— По... почему?

Гил смотрит на меня с испугом и лёгким недоверием. Я не только не смогла спасти сирот, но ещё и не оправдала ожиданий Гила. Уткнувшись в пол, я готовлюсь к его ответу.

— Гил, держи себя в руках. — сказал Фран.

— Угх, дурак. — сказала Делия. — Разве я не говорила, что это не к чему не приведёт?

Услышав их, он прикусил губу. По началу он ещё хотел что-то сказать, но вместо этого, просто опустил голову.

Подготавливая вещи для моего переодевания, Делия вдруг прервалась, начав говорить с умным видом.

— На самом деле, ответственность за голод в детском доме несёт хозяин храма. — сказала она, словно говоря прописную истину. Он говорит, что жрицы, рожающие детей, не могут выполнять свою работу и попросту бесполезны. Поэтому от них тут же избавляются. Главный священник ничего не может поделать с этим.

— Делия? — удивлённо сказала я.

— Это правда! Жрицы, находящиеся на последних месяцах беременности, или те, которые только родили — считаются им неработоспособными. Обычно от них избавляются тогда, когда их становится слишком много. Помимо этого, осуществляется контроль над тем, чтобы им всегда была замена.

Далее, Делия поведала мне, что помощники и жрицы в серых робах, отправленные в приют и занимающиеся там уборкой и стиркой, крайне молоды и симпатичны. Некрасивые жрицы, продаются знати в качестве слуг. По итогу, остаются только те, кто может быть «цветами». Похоже, всё это — результат политики, направленной на удовлетворение нужд синих роб.

Поскольку мужчины не могут рожать детей, их жизнь гораздо стабильнее. Они могут спокойно развиваться, и, по итогу, становиться помощниками у дворян. Однако, сейчас количество дворян сильно снизилось, поэтому и они испытывают трудности. В связи с этим, мужчин в серых робах стало больше, чем женщин.

— Получается, что дети в детском доме — потомки синих роб? — спросила я. — Значит ли это, что в них течёт благородная кровь?

— Думаю, что около половины из них — да. — немного сомневаясь, ответила она.

— Ох, так получается что у тебя тоже есть мана?

— Чем больше у человека маны, тем сложнее зачать ребёнка. Из этого следует, что быть отцом

могут лишь те синие робы, у которых очень мало маны. Я слышала, что становление отцом сулит изгнанием из благородного общества. — сказала она.

Теперь всё собралось в целостную картину. Система устроена так, что в храме остаются только те синие робы, у которых совсем нет маны. Это настолько эгоистично, что от мыслей об этом, у меня началась мигрень.

— Глава храма, — продолжила Делия, — тот, кто задаёт внутреннюю политику храма. Поэтому, вместо того, чтобы идти против него, лучше идти ему на встречу, всячески угождая его. Так! Все покиньте помещение, чтобы сестра Мэйн могла переодеться.

Она хлопнула в ладоши, принявшись выдворять Гила и Франа из комнаты. После, она приступила к переодеванию.

— Урх! Только не делай такого лица. Ты выглядишь так, будто вот-вот умрёшь. Давай ты просто забудешь обо всём, что связанно с детским домом? Всё равно ты ничего не сможешь изменить. — сказала она, мастерски выполняя работу по переодеванию.

Да, я ничего не могу сделать, но использовав средства Мастерской Мэйн, я бы могла переломить ход вещей.

Однако, ни глава храма, ни главный священник, не стремятся улучшить детский дом, из чего следует, что когда мои средства иссякнут, всё вернётся на круги своя. Да и помимо этого, мне попросту страшно что-либо делать в этом направлении.

— Лютц! Лютц!

— Мэйн?!

Я ринулась к воротам храма, навстречу Лютцу. Крепко обняв его, у меня проступили слёзы, которые я так долго сдерживала. Они хлынули словно поток, возникший после прорыва дамбы. Вероятно, это произошло из-за чувства облегчения, испытываемого рядом с человеком, в чьём понимании я уверена на сто процентов.

Лютц, завидев Франа, по привычке принялся гладить меня по голове.

Что произошло? — сказал Лютц.

— Объясню на ходу. — Ответил Фран, поглядывая на привратников.

Пока мы шли по улице, битком наполненной спешащими с работы людьми, Фран рассказывал Лютцу о произошедшем.

— Она обратилась к главному священнику с просьбой помочь детям в детском доме. Ей не удалось его убедить, поэтому она отказалась от своего плана и теперь ей тяжело на сердце.

— ...Ох-х, получается что эти дети обречены на гибель? Ну и мрак. Мэйн, ты же ничего не можешь поделать с этим, правильно? Если это так — тебе лучше забыть об этом.

Я живу бедной, но относительно комфортной жизнью, поэтому увиденное чрезвычайно сильно поразило меня.

Было бы здорово, если бы я могла просто забыть об этом. — сказала я, пока слёзы текли по моему лицу. — хотелось бы вообще не знать об этом. Теперь, когда известно что нечто подобное происходит буквально у меня за стенкой — это постоянно крутится у меня в голове!

Лютц остановился, повернулся и направил взгляд прямо на меня.

— Ты действительно не можешь смириться с увиденным? Ладно, как по твоему они должны жить?

Моя память в очередной раз разразилась ужасными сценами, но я попыталась представить, что должно быть вместо них.

— ...Я хочу, чтобы эти дети могли есть досыта, и я хочу, чтобы они выросли большими и сильными. Я хочу, чтобы им не приходилось спать в грязной соломе, выглядящей так, словно в неё справляют нужду. Хочу, чтобы они спали на нормальных постелях!

— Хм-м? Ты хочешь, чтобы они ели досыта? Слушай, для этого нужно быть очень богатым, не думаешь? Норма — питаться не досыта, а для пополнения минимума энергии. Знаешь ли, даже я не могу позволить себе питаться досыта.

Да, похоже я слишком уж замахнулась. Ровняясь на уровень моей жизни, я забыла, что это — дворянский уровень.

За последние несколько дней в храме, я съела столько вкусной еды, сколько могла пожелать. Помимо этого, из-за улучшения финансового состояния семьи, я забыла, что даже в городе, некоторое дети редко могут поесть. К примеру, Лютц, постоянно борется с братьями, чтобы урвать свой кусок с обеденного стола.

— Ах, точно-точно, как я могла забыть, что есть досыта не так уж и важно...

— К тому же, зачем тебе лично приносить им еду? Пусть они сами ходят за ней. Если они так голодны — пусть сами идут к человеку, который готов их накормить.

Пребывая в своеобразной, храмовой среде, я совсем позабыла про обычную жизнь. Если же посмотреть на эту проблему с точки зрения обычной жизни, первое что приходит на ум — установить уровень питания, как у бедных детей из города. В таком случае, финансовое бремя,

которое ляжет на мои плечи, будет намного меньше. К тому же, не стоит забывать про походы в лес: дети могли бы ходить туда, чтобы достать немного еды.

— Извините, но детям из детдома запрещено покидать храм. — с печальным видом сказал Фран.

Для удобства, детей держат взаперти. В том числе, это делается для того, чтобы взор дворян был избавлен от нелицеприятных картин. После крещения ситуация не особо меняется, и детям всё равно запрещают покидать храм, но уже из соображения, что они не должны видеть другую жизнь.

Я не хотела развивать эту тему, поэтому не стала отвечать Франу, но Лютц, не знающий об устройстве храма, начал говорить.

— Так, ответь-ка мне, — обратился он, скептически наклонив голову, — кто сказал, что дети не могут покидать храм? Если они никак не используются, то у них не должно быть ограничений, в плане походов в лес, разве не так? А ты и Гил? Вы же можете покидать храм.

— Гил и Фран — мои помощники, — объяснила ему я, — так что это особый случай.

Поскольку мне приходится возвращаться домой, сопровождения меня до дома — часть их работы. Это похоже на то, как другие синие робы берут с собой помощников в дворянский район. Так что это вынужденное покидание стен храма.

Тогда, может просто взять и сделать всех детей своими помощниками? Если поступить так, они смогут покидать храм, верно?

— ...А-а?

Услышав его предложение, я застыла, моргая от недоумения.

Подождите, подождите. — внезапно начал Фран. — Подумайте о том, сколько... Сестра Мэйн, не думаете ли вы, что будет неразумно выбрасывать кучу денег на обеспечение их предметами первой необходимости?

— Ну, — принялся отвечать Лютц, — если мы просто хотим вытащить их за пределы храма, то предметы первой необходимости — одежда. К тому же, цель их выхода на улицу — походы в лес, из чего следует, что им не потребуется изысканная одежда. Это значит, что мы можем не слабо на этом сэкономить, покупая им поношенную одежду, разве не так?

Я принялась подсчитывать в уме траты, которые возникнут при покупке одежды, ножей и корзин, для походов в лес. Поскольку мои помощники не смогут отказаться от всех обязанностей в храме, им придётся ходить в лес по очереди. В таком случае, они будут делиться снаряжением, а это значит, что мне не придётся покупать его в соотношении один к

одному.

— ...Дешёвая поношенная одежда для пятидесяти - шестидесяти человек, плюс ножи и корзины для похода в лес... Думаю, это будет не так дорого, примерно тридцать процентов от той суммы, которую я потратила на одежду для вас двоих. — сказала я Франу.

Глаза Франа стали как блюдца и он тут же принялся осматривать свою одежду. Одежда моих помощников — самого высокого класса. То, что я ношу дома — ничто, по сравнению с их одеждой.

Детский дом не располагает деньгами, а это значит, что в каком-то смысле, все они — бедняки. Так что они просто обязаны иметь возможность ходить в лес, добывать пищу, заботиться о себе.

Он крайне прямолинеен, но всё же он прав. Пусть они не ждут желаемого, а идут за ним. Они в состоянии сами позаботиться о себе.

Я поворачиваюсь к Франу.

— Я уже несколько раз отправляла Гила и тебя в магазин Бенно. Значит ли это, что я могу отправлять своих помощников на выполнение поручений?

— ...Вы абсолютно правы. — медленно произнёс он.

— Так, значит, если я, например, попрошу своих помощников отправиться в лес, чтобы собрать урожай фолина, это не будет противоречить никаким правилам?

Глаза Лютца тут же засияли огнём.

— Филиал Мастерской Мэйн в детском доме?

— Совершенно верно! Если я открою отделение Мастерской в детском доме, у детей появится возможность оплачивать своё пропитание. В таком случае, они смогут выжить, даже без моей помощи.

Скорее всего, первое о чем стоит подумать — подготовка детей к походу в лес. Пока мы с Лютцем обсуждали тонкости нашего предприятия, в наш разговор внезапно вмешался Фран.

— Это всё очень здорово звучит, — начал он, — но это сильно отличается от традиции ведения дел в храме. Уверен, что главный священник возложит всю ответственность за детей на вас. И если это будет так, согласитесь ли вы её принять?

Моё лицо в миг побледнело.

Он попал в самую точку. Я аутсайдер, да ещё и ребёнок. Если я, игнорируя все обычаи, изменю порядок в детском доме — это не приведёт ни к чему хорошему. При оплате работы детей, будет проигнорирован принцип равенства, что неминуемо приведёт к конфликту с синими робами, главой храма и главным священиком.

— Извини Лютц. Мне очень страшно брать на себя такую ответственность...

— Та-а-к. Что значит «страшно»? Что ты выберешь: своим бездействием, даровать детям смерть, или взяв ответственность, подарить им жизнь?

— ...

Оба варианта пугают меня. Если я оставлю всё как есть, то на меня ляжет вина, чью тяжесть я буду испытывать до конца своих дней. Однако тяжесть ответственности за жизни других людей, будет ничуть не легче.

Я скрестила руки на животе. Лютц, смотря на меня, недоумённо пожал плечами.

— Ей, Мэйн, не думай об этом так сильно. Если попробуешь и у тебя не получится, всегда можно просто отказаться, не так ли?

— Лютц, прекрати... На кону жизни детей, понимаешь?

Я бросила на него хмурый взгляд, но в ответ он просто фыркнул. Это напоминает мне поведение Бенно.

Для мастерской, чья работа никому не нужна, или магазина, не имеющего продаж, банкротство — нормальная ситуация, разве не так? Однако, когда рабочие находятся в детском доме, при таком сценарии, они застрахованы от выбрасывания на улицу, понимаешь?

— ...Они живут в детском доме, и, по крайне мере, все ещё могут рассчитывать на благословения богов, хм-м.

— Даже если план провалится, никто из них не окажется на улице. В таком случае, что вообще значит это «взять на себя ответственность», если они все равно остаются за стенами детского дома? К тому же, не забывай про Мастерскую Мэйн, с ней же у тебя всё получается, так почему тут у тебя должно не выйти?

Действительно. Если бы я перед каждым делом, думала об ответственности, то у меня ничего бы не вышло.

Конечно, мне всё ещё страшно, но поскольку я вместе с Лютцем, думаю, что у нас всё получится.

— Давай сделаем это, Мэйн. — сказал он. — Ты готова помочь детям?

— Да! — ответила я, прыгая на встречу ему, чтобы схватить его за руку.

Фран тут же наклонил голову, чтобы спрятать свою улыбку.

— Я тоже буду помогать вам, сестра Мэйн. — сказал Фран.

http://tl.rulate.ru/book/6509/422834